

О литературном «профессионализме»

Граница между литературой и макулатурой проходит там, где писатель, вместо разговора о том, что для него важнее всего, принимается беседовать о вещах для читателя, может быть, и любопытных, но самому писателю безразличных. В первом случае он рискует потерять внимание читателя, во втором – самоуважение. О том, как называть писателя первого рода, я поговорю позже, однако имя писателя второго рода известно: «профессионал». На Руси некоторые очень обрадовались появлению этой невиданной прежде «профессиональной», то есть трактующей о несущественных, но небесприбыльных материях литературы. В слове «профессионал» видят нечто крепкое, западное, противоположное русской расплывчатости и неготовности. «Профессионал» для русского западника – нечто вроде «доброе (то есть пригодное, достойное) офицера» для Петра Великого: технический идеал, без которого нам не уподобиться Западной Европе. Еще С. Булгаков во времена «Вех» с почтением говорил о протестантизме, который выработал понятие «профессионального призвания» (calling, Beruf), что дало Розанову возможность зло пошутить: «Что такое «Вехи»? Это штунда. Долой иконы, несите метлы и молотки!» Штундой, замечу для читателя, назывались прежде на Юге России протестантские секты, обычно немецкого корня. С обычным для нас уважением ко всему западному мы (всегда принимая что-нибудь ограниченно полезное за последнее слово прогресса) в «профессиональном» труде видим труд добротный, «на совесть» – *добросовестный*.

Тут-то и оказывается, что при любом переводе западных понятий на русский (как и наоборот) нечто ускользает от переводчика, а нечто, наоборот, добавляется. К нашему удивлению, в слове «профессионал», Fachmann, как говорят немцы – нет ничего от «совести». Понятия эти никак не связаны. В «человеке долга и навыка» нет ничего этического. Этика – там, где «долг и навык», закон и деньги не всесильны и не определяют человеческих отношений. Можно сказать и сильнее: *этика – вне закона*. Приняв это допущение, можно не удивляться тому, например, что «профессионал» может быть недобросовестен *нравственно*. Что он может любить не дело, а деньги. Что он трудится не «от души», как принято говорить в России, а в силу привычки к труду, любви к жизненным удобствам и страха (или почтения) перед законом.

Достоевский заметил, что нельзя быть хорошим сапожником без доли поэзии в душе – иначе сапоги выйдут плохи. Достоевский, естественно, не имел в виду «профессионала». Сапожник этого нового типа радуется прежде всего не хорошим сапогам, а хорошей прибыли, тогда как надо – наоборот. Гоголь – в «Невском проспекте», кажется, – вывел немецкого мастера, который, запросив с покупателя лишнее, старался выполнить заказ получше, чтобы не стыдиться самого себя. Я думаю, это был ремесленник старой протестантской выучки, у которого *труд и этика* еще не разделились непроницаемой перегородкой, как это произошло позднее. Общее правило, по-видимому, именно таково: закон приходит в качестве общепринятого выражения нравственности (включая сюда обязанности не только по отношению к ближним, но и к государству), и развивается в самостоятельную власть, провозглашающую, что *нравственно – то, что законно*. Религиозная и нравственная почва закона выветриваются постепенно, оставляя его здание без опоры, вернее – без другой опоры, кроме собственной силы.

Однако вернемся к писателям. Прославленные новой русской критикой «профессиональные литераторы» суть, попросту говоря, люди, которые пишут не о том, что любят, а любят не то, о чем пишут. По существу, это очень напоминает продажную любовь, о служительницах которой почему-то говорят с меньшим уважением, хотя они¹ – в высшей степени люди «долга и навыка», в некотором роде – образцово профессиональные люди. Я думаю, стоило бы почаще вспоминать об этом сравнении, чтобы с меньшим почтением относиться к повсеместно прославляемым литераторам, всё достоинство которых состоит в умении приносиваться к желаниям потребителя. Литература – вне их, и они – вне литературы.

¹ То есть, конечно, «онъ». Одна из шуток, которые шутит с нами «новая орфография».

«Профессионал», однако, не только в литературу пришел или в литературе родился. Это действительно новый духовный тип, у которого труд и этика, *трудящаяся личность и человек* окончательно разделены. Что это значит? Это значит, в первую очередь, что с наступлением эпохи «профессионала» душа отставлена в сторону как второстепенная, а может быть, и ненужная вещь. «Долой иконы, несите метлы и молотки!» Безусловно, душа с ее нравственными и эстетическими требованиями – вещь совершенно лишняя для «повышения производительности», да больше того: *одушевленность, способность волноваться правдой и красотой, как-то мешает производительности*. Если рыцарь или монах (нарочно беру средневековые, то есть самые ярко отличающиеся от нынешних идеалы) могли выполнять свое дело, не поступаясь личностью и внутренней жизнью, более того – для монаха, и в меньшей степени для рыцаря их внешнее дело было неотрывно связано с их внутренней жизнью, то трудовая мораль современной эпохи есть мораль верного руководству исполнителя, для которого внутренняя жизнь – только недостаток, если не прямой порок, мешающий «профессиональному росту».

Внутренняя жизнь в современном мире допускается только в качестве «увлечения», так называемого «хобби», которому отводится очень частное и очень ограниченное место. Вспомните диккенсовского м-ра Уэммика, у которого было два лица – одно для Сити, другое для частной жизни... Пришел Fachmann (нарочно употребляю короткое и звучное немецкое слово, означающее и «профессионала», и «специалиста») и убил душу. Нам кажется, что это очень современно (чтобы не говорить «прогрессивно» – вот одно из любимых современностью, но ничего не значащих слов), но на самом деле это очень плохо. Когда французский наниматель говорит служащему: «Извинить опоздание на работу может только ваша смерть» – это значит, что и жизнь, и смерть служащего ничего не значат. Широкая личная свобода, которая предоставляется этим служащим в часы, не занятые трудом, не отменяет рабства, в котором находятся их усталые души.

Одно из важнейших современных производств есть *производство развлечений*. Стал ли человек легчемысленнее за последнее столетие? Не думаю; напротив, он стал значительно мрачнее и пугливее. Однако развлечений всё больше, и массы требуют новых – именно потому, что «профессиональному», т. е. обездушенному, труду нужен противовес. Личным развитием пожертвовали ради «повышения производительности»; с каждым следующим поколением общество (говорю, конечно, о Западе) всё богаче материально и всё однородней и проще в культурном отношении... Так стоит ли нам радоваться, что «профессионал», то есть однородная рабочая масса, верная долгу по отношению к хозяевам и беззаботная в отношении собственной души, пришел и в Россию?

Я думаю, можно даже выразить некоторую социологическую аксиому, вроде тех, которые формулировал К. Леонтьев: 1) не бывает культурных обществ, основанных на равенстве прав, воспитания и образования; 2) высокопроизводительное общество нуждается в усредненной в своих чувствах, привычках и воспитании массе; 3) следовательно, культурное общество не бывает экономически эффективным. Уточню, что под «культурой» я имею в виду не всеобщее усредненное, в основном техническое, образование, но плодотворную умственную и духовную жизнь, свойственную (так всегда бывает) не всему обществу, но его части. Поверхностная грамотность, которая так нужна для повышения производительности, имеет в основном противокультурный характер. Массы приобщаются к чтению отнюдь не для того, чтобы думать над книгой, но для того, чтобы над книгой забыть; иначе говоря, книга в обществе «массовой культуры» *становится на место водки*. Можно называть это «прогрессом», но по существу это путь упрощения, если не прямого оболванивания масс, причем – по некоей жестокой иронии, – чем дальше заходит это упрощение и уплощение общества, тем больше и выразительнее его технические достижения.

Чтобы быть «профессионалом» и двигать вперед машину «прогресса», не нужно большого личного развития. Известная умственная несложность, любовь к простым объяснениям, невежество в области, выходящей за пределы специальности, напротив, ведут к успеху. Современную науку окружает облако суеверий, как оно окружало средневековую Церковь. Причина не только в умственном опрощении общества, но и в умственной несложности специалиста. Специализация в своей области означает полное невежество во всём, за пределы этой области выходящем. Бредовые, но уверенные суждения математика об истории, фи-

зика о богословии – следствие этой специализации, а впрочем, еще больше – следствия утраты наукой философского основания. При всём изобилии опытных данных современная мысль зашла в тупик, т. к. она и не предполагает, что для истолкования полученного опыта так называемого «здравого смысла», т. е. *принципа сбережения умственных усилий*, совершенно недостаточно – нужны правильные приемы мышления, без которых несомненный опыт будет только почвой для самой безответственной мифологии, знаменитыми примерами которой являются учения Маркса или Фрейда. Философия, чтобы обобщить сказанное, есть *воспитание ума*. Невоспитанный ум не может отправиться на поиски истины, ему лучше и не ходить за ней, потому что, в отличие от Ивана-Царевича, он приведет домой *не царевну, а лягушку*. И здесь презрительно глядящий на профанов специалист оказывается ниже человека XIX столетия, душа которого получала свое воспитание, не связанное с идеалами производительного роста...